

*Soda
Press*

Полина Граф

Эквилибрис

КНИГА 2

ДОМИНУМ

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.161.11
ББК 84(2)6
Г78

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Граф, Полина.
Г78 Эквилибрис. Книга 2. Доминум : [роман] / Полина Граф. — Москва : Soda Press, Эксмо, 2026. — 624 с. — (Эквилибрис).

ISBN 978-5-04-239949-7

Антарес Непогасимый — мертвый Верховный, надежда Света — так мне о нем говорили. Но, вопреки историям о величии и героизме, не все светлые желают его возвращения.

Антарес — звезда с темным прошлым; он говорит со мной и неохотно делится обрывками воспоминаний. Не знаю, друг он мне или враг, что в его речах правда, а что ложь, но я вновь потеряю себя, на этот раз окончательно, если не верну его обратно на небеса.

Мрак сгущается в Свете: как на Земле, так и среди звезд. Мы не можем никому доверять, даже себе самим. Все, что у нас есть, — неверный свет красного монстра, озаряющего наш путь...

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Полина Граф, 2022
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Soda Press
Cover art © by Sylvia Bi, 2022

ISBN 978-5-04-239949-7

КРУГ ТРИНАДЦАТИ

- ♈ Овен (19.04–13.05) — Фри
- ♉ Телец (14.05–19.06) — Павел Крылов
- ♊ Близнецы (20.06–20.07) — Ламия Казвини
- ♋ Рак (21.07–09.08) — Аданная Турай
- ♌ Лев (10.08–15.09) — Сара Грант
- ♍ Дева (16.09–30.10) — Ханна Йоргенсен
- ♎ Весы (31.10–22.11) — Тисус
- ♏ Скорпион (23.11–29.11) — Паскаль Фавро
- ♐ Змееносец (30.11–17.12) — Коул Харрис
- ♑ Стрелец (18.12–19.01)
- ♒ Козерог (20.01–15.02) — Кимико Сано
- ♓ Водолей (16.02–11.03) — Стефано Феррари
- ♈ Рыбы (12.03–18.04) — Рамона да Коста

ПАДШИЕ СОЗВЕЗДИЯ

- ♁ Сокол
- ♁ Цербер
- ♁ Кот
- ♁ Роза
- ♁ Гепард
- ♁ Яблоко
- ♁ Шакал
- ♁ Флейта
- ♁ Грифон
- ♁ Кольцо
- ♁ Башня
- ♁ Прометей

...Мне выпала странная участь.

Но справедлив ли я, взваливая на брата и детей своих столь тяжкое бремя?

Справедлив ли я, считая, что волен вершить судьбу народа? Грядущих поколений? Тысячи, нет, триллионы душ. Ведь столько их будет однажды, да, это неминуемо. Мириады мириад. В вечной непроглядной Войне.

Я не хочу этого, Вселенная, я не желаю Обливиона своим детям, сопряженной и товарищам. Но какой у меня выбор? Волен ли я выбирать после всего, о чем теперь ведаю?

Нужно лишь разрушить себя, и тогда иного пути не будет ни у кого. Чаша весов наклонится, Эквilibрис нарушится... И это отразится в бесконечности. Конец ради начала, как изрекли Зло и Добро.

Не глуп ли я, что столь легко вверяю им себя и всех, кто еще даже не родился? И все же такова воля сил высших — озвученных и неназванных.

Да простит меня геном за то, что я обрек их на судьбу не завиднее моей. Да помогут эфиры брату моему двигаться дальше, вести других тропой ужаса и пустоты.

Я положу начало чему-то столь великому и столь непреодолимо печальному. Чему-то, в чем мне не будет места.

Все начинается с одного. Все начнется с меня.

Вселенная должна умереть...

Из Верховных архивов Аларонема

---

* Через тернии к звездам (лат.).

Я не могу проклинать судьбу, как и все законы мироздания, поедающие нас каждую секунду наших жизней. Мне не найти виноватых — осталось лишь падать, лелея тени воспоминаний, втравленные в сердце и душу. Оно долбится и долбится в голове, сочится ядом, гнилью, постоянно напоминая о последних мгновениях. Я задыхаюсь в них, опаляю нутро, словно ворохом искр, но не отпускаю, сжимаю в сознании до слома мыслей, воли и костей. Я боюсь потерять и их, боюсь, понимаешь?

Ты ведь все еще рядом со мной? Ты здесь?

Время возвращается, вечно и бесповоротно. Щелкает, гудит и воеет на дугах Армилярных плит. Голодный монстр. Он не заметен взору, и в то же время все заполнено им: каждый атом, каждое небесное тело в бескрайней Вселенной. Он — наш воздух, он — наша жизнь, наша память. Он — это я и ты. Жесточайшее чудовище, перед которым каждый вынужден держать ответ. Время...

Оно — стекло с кровавыми символами в руках мальчика.

Оно — хрупкая красная сфера в руках юноши.

Оно — алая кровь на моих руках.

Все это стало лишь временем. Рассыпалось, растворилось и умерло в нем. Но воспоминания сохранились. Только они не тронуты вечно голодным чудовищем. И я храню этот дар — единственное, что осталось у меня и от меня.

Есть лишь я, мальчик со стеклом и юноша со сферой.

Грань между нами троими тонка, но ее не преодолеть даже за пять тысяч Генезисов.

Только пожирающее меня время.

Оно возвращается ко мне.

А я отправляюсь назад.

The background features a complex geometric design. A large circle is defined by a solid line and a dashed line. This circle is surrounded by several smaller circles of varying sizes, some overlapping it. A vertical line passes through the center of the large circle, extending downwards. At the bottom, there are more overlapping circles and a vertical line segment. The overall style is minimalist and technical.

ЧАСТЬ I

Я ДОЛЖЕН ЗНАТЬ

ГЛАВА I

ЦЕЛИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НАС

Когда-то у нас был загородный дом, но после ухода отца маме пришлось его продать, чтобы оплатить долги за мое лечение. До этого мы проводили там каждый июль и август, среди кричащей зелени, под неизменным солнечным пеклом. Отовсюду звучала жизнь: стрекотали цикады, заливались пением птицы, скрипели многолетние дубы под натиском ветра.

Дом был полностью отделан деревом, дышалось в нем легко, словно ты и не покидал улицы. Пройдя по коридору, можно было увидеть несколько десятков фотографий, развешанных на стенах: везде наша семья и никого другого. Гостиная располагалась так, что под вечер солнечный свет золотом прорывался внутрь, затапливая все, до чего мог дотянуться. Там же располагался старый камин, который явно чистили недостаточно. А снаружи в небольшом саду росли маки. Мама трепетно ухаживала за ними, и поэтому в середине лета весь двор заливался красным.

Моя комната находилась наверху, из обоих окон виднелся лес, густой и темный. Иногда, ухватившись за удивительно крепкий желоб сточной трубы, я дотягивался до кровли, упирался ногой в выступающее из стены бревно, а там уж без особого труда взбирался на крышу. На небе прожектором сияла луна, а звезды казались крупными, прямо как

яблоки. Лишь единожды я застал звездопад. Десятки мимолетных вспышек и длинные, но быстро гаснущие линии проносились прямо над головой. Глядя в то небо, хотелось верить. Во все и сразу. В будущее. В мечты. В невозможное. Да, в невозможное. Тогда моя вера была по-детски безгранична, и я с затаенным дыханием смотрел в небеса едва ли не до самого утра.

Я любил это время, ждал его весь год. Почти единственное, когда отец был со мной и мамой. По крайней мере, помнилось именно так. Словно он восполнял все остальные месяцы, проведенные где-то еще, вдали от нас. Мы отправлялись в походы, сидели вечером у камина. Отец часто рассказывал о странах, в которых побывал, а я слушал, ловил всё до последнего слова и хотел, чтобы лето никогда не кончалось.

А еще отец там же начал учить меня управляться с луком. Он и сам это мастерски умел, стрелял лишь по мишеням, в животных — никогда. За отцом было интересно наблюдать: азарт, что появлялся в его глазах, дорогого стоил. У него были разные хобби, но это я почему-то помнил лучше других. Может, потому что мы его разделяли.

Мои навыки росли, отец был страшно доволен, поэтому я старался только сильнее. Хотелось радовать его любимыми успехами. Потом записался в секцию, и странно, что не бросил после исчезновения отца. Видно, слишком полюбил это дело. Даже пару соревнований выиграл.

И вот наступило последнее загородное лето. Мне тогда было одиннадцать. В тот день отец ненадолго отвлекся по рабочим делам, мама ушла в сад, а я решил потренироваться с луком. Но вскоре понял, что по дурусти умудрился забыть свой колчан в городе. Беда только вначале показалась катастрофической — я быстро вспомнил, что в отцовских вещах должны найтись хоть какие-то стрелы. Поиски не затянулись. В кладовой на одной из верхних полок обнаружился

сверток с десятком стрел. Холодные и невероятно красивые, они сверкали серебром. С секунду я сомневался, можно ли их брать, но интерес пересилил. Мне до смерти захотелось посмотреть на них в деле.

Мишени были установлены недалеко от дома. Я провел там немного времени, пострелял, а после за каким-то чертом двинулся в лес. Шел долго, погрязнув в мыслях, пока не отвлекся на вороний крик, такой противный, как будто стекло царапали. Я обернулся, посмотрел вверх. Там на тонкой ветке осины сидела жирная ворона. Перья на ее горле вздрагивали, черные глаза бесстыже смотрели вниз. Казалось, птица надо мной насмеялась. Внезапно она показалась мне такой мерзкой, что загудело в голове. Я вспоминал наставления отца о правилах стрельбы. Ничего — о том, что животных нельзя подстреливать.

Ворона почувствовала неладное в самый последний миг. Но я уже выстрелил. Птицу отбросило, туша шлепнулась в траву. Когда я подошел, она уже умерла. Крылья были расправлены черным занавесом, глаза и клюв открыты.

По правде говоря, я не обрадовался. При взгляде на мертвую кучу перьев на душе стало гадко.

За спиной раздался треск веток. В следующую секунду я увидел отца, и внутри все перевернулось. Его взгляд навсегда врезался в память. Злость — вот чем омрачилось его лицо. Тихая, как погода перед дождем. Собственно, я не совершил ничего криминального, но под его взором почувствовал себя преступником. А отец сказал всего пять сухих слов:

— Мы не можем допускать подобного.

Я хотел извиниться, пообещать, что это больше не повторится, лишь бы не терять его доверия, но он уже развернулся и, ничего больше не произнеся, пошел в сторону дома. Я просидел в комнате до темноты, сокрушаясь о содеянном.

Мне было страшно выходить, смотреть отцу в глаза, ведь там мог оказаться все тот же холод.

Когда на небе загорелись первые звезды, в дверь постучали и вошел отец с походным рюкзаком. Сказал лишь: «Пойдем» — и ушел прочь. Я мигом последовал за ним.

Мы вышли из дома, направились в лес. Погода радовала теплом и сухостью; ветер колебал листву, где-то вдалеке насвистывал соловей, сквозь замершие кроны просачивались молочно-белые лучи лунного света. Помню, что в груди вспыхнула паника. Я постоянно озирался, а она зверем грызла изнутри. Темнота страшила. Тени казались такими непроглядными и вязкими, что стоило наступить хотя бы на одну, и я бы исчез. Мне мерещились силуэты, выглядывающие из-за толстых стволов деревьев. Они скалились и ждали, когда же я наконец перестану идти по освещенной светом тропке и наступлю во тьму.

Но тут отец остановился и, опустив на землю рюкзак, стал собирать ветки. Вскоре мы уже сидели у теплого, а главное, отгоняющего темноту костра, обложенного камнями. Ни одна тварь не могла подобраться к нам, и я с удовлетворением посматривал в сторону чернеющих кустов, где, по моему мнению, от света прятались чудовища.

Не передать облегчения, которое я испытал, увидев, что отец улыбнулся. Мы сели на плед, после чего разговорились. Сначала я держался скованно, но потом оттаял — то ли от жара костра, то ли от теплоты отцовского сердца. И вот мы уже смеялись.

Прошло около часа; небо избавилось от маленьких тучек, открывая нам небосвод. Отец посмотрел на него. Его взгляд тоже очистился. Исчезла всякая приземленность. Я, как человек, умело заглядывавший в души даже в свои далекие одиннадцать лет, легко определял на глаз, что чувствуют люди. Но ту эмоцию мне не удалось разобрать. Было инте-

ресно узнать, о чем же отец думает, и я уже почти коснулся его руки, но тут он посмотрел на меня, заставив отдернуть ладонь.

И ухмыльнулся.

— Скажи, если я доверю тебе тайну, ты сможешь сохранить ее?

— Да? — с подозрением предположил я. — А что за тайна?

— Хотя нет, — передумал отец, — ты всем разболтаешь.

— Нет, расскажи!

Его улыбка поблекла и стала скорее усталой. Театрально выждав пару секунд, отец все же полез за чем-то в карман.

— Вот, возьми, — произнес он.

В его руке оказался темный шнурок, с которого свисала серебряная подвеска в форме маленькой четырехконечной звезды. Она казалась обычной, и я не понимал, почему отец хочет сохранить ее в тайне.

— Что это? — спросил я.

— Путеводная звезда. — Он вдумчиво вглядывался в подвеску. — Говорят, звезды приносят удачу. Когда им хочется. Можешь носить ее с собой или спрятать, но, главное, сохрани. Хорошо?

— Для чего?

— Так нужно, — спокойно пояснил отец. — Возможно, однажды она поможет тебе отыскать дальнейший путь. Ладно-ладно, рассматривай это как простой подарок. Хочу, чтобы она была у тебя.

С этими словами отец передал подвеску мне.

Потом он решил показать созвездия. Без всякой карты, по памяти. Да что там созвездия, он и звезды знал поименно.

— Вон там. — Отец ткнул в небо в неопределенном направлении. — Видишь, на крест смахивает? Как птица, раскинувшая крылья. Это Лебедь. Старое созвездие. Самая яркая звезда — альфа — Денеб. Малую Медведицу, думаю,

ты знаешь. Все ее сравнивают с ковшом. Полярная Звезда — на самом краю.

Он отвел руку чуть в сторону.

— Отсюда не видно, но, поверь мне на слово, там спрятался Змееносец. Сколько, по-твоему, созвездий в зодиаке?

— Двенадцать, — ответил я, ни на секунду не задумавшись.

— Вообще, по-хорошему, должно быть тринадцать, — поправил меня отец. — Тринадцать созвездий, лежащих на эклиптике — линии, по которой за год проходит Солнце.

Звезд было слишком много, и я не удивлялся, что кого-то среди них могли забыть. Но отец помнил, а значит, это было важно.

Вдруг позади хрустнула ветка. Я ожидал увидеть нечто страшное, но там была лишь темнота.

— Немного отмотав назад по эклиптике, мы смогли бы рассмотреть Скорпиона. Хотя его здесь тоже не видно.

Я попытался убедить себя, что раз рядом сидит отец, то мне совершенно ничего не грозит. Он не подпустил бы ко мне тьму или монстров. От этой мысли стало спокойнее. Его лицо, всегда глубокое, излишне удрученное, казалось особо добродушным в тот вечер. Мама и потом говорила, что внешне я был точной копией отца, причем это подтверждалось по мере взросления, но вряд ли бы мне удалось когда-либо стать столь же переменчивым и задумчивым, как он.

— Антарес в нем главная звезда. Одна из самых ярких на небе...

— Как думаешь, а ему не обидно? — спросил я.

— Кому? — Отец удивленно посмотрел на меня.

— Змееносцу. За то, что его забыли.

— Наверное, обидно. Всегда неприятно, когда о тебе думают плохо те, о ком заботишься. Но он терпит.

Я не понял, о чем говорит отец. Он обнял меня за плечи.

— У каждого свое место в этом мире, и, как себя не обманывай, ты в любом случае вернешься к нему.

Сладковатый запах клена, под которым мы сидели, щеко-тал нос. Огонь пылал, и я не мог поверить, что он рано или поздно догорит, поддавшись темноте.

— Но если у тебя достойные цели, ты сможешь изменить мир вокруг. И добьешься чего угодно. — Отец привалился к стволу дерева, покрытому темной и шершавой, как наждачная бумага, корой. — Нужно иметь их, наиважнейшие цели, ради которых будешь готов отдать себя, которым будешь готов посвятить всю жизнь. Иначе сломаешься.

Подул слабый ветер, раздувая искры костра в разные стороны. Они были похожи на маленьких светлячков.

— Надеюсь, ты научишься искать верные цели, Максимус, — тихо сказал отец. Лишь он один произносил мое имя полностью. — Они определяют нас. Узнай, к чему стремится человек, и ты узнаешь его самого.

Я продолжал смотреть вверх, на сияющие огненным пылом искры. Они все еще несли в себе память о костре. Такие преданные. Искры взлетали ввысь, все выше и выше. Порой они гасли, но большинство продолжало свой путь. За своей целью. Вперед, к небесам. В отличие от меня, они могли туда долететь. Искры спешили сбежать от этой реальности, преодолеть все преграды и оказаться в лучшем месте. Они словно хотели стать новыми звездами.

ГЛАВА II

ПОРЯДОК И ПОДЧИНЕНИЕ

В помещении терпко пахло твердым огнем. Самоцветы в камине остывали, лишь некоторые из них еще тлели фиолетовыми искрами. От крошечной темноты спасал желтоватый светильник, да и тот освещал лишь небольшой уголок кабинета — ровно там, где за просторным каменным столом сидел эквилибрум.

Задумчивость отражалась на его лице — волевым, вечно хмуром и обремененном тяжестью, словно бы эта душа страдала от гравитации чуть сильнее, чем другие. А еще лицо покрывало множество длинных шрамов, точно кто-то в припадке ярости исполосовал широкие брови, тонкую полосу губ, веки впалых глаз, оставив бледные глубокие рытвины. Звезда дремал, он не замечал ни мигания панелей на столе, ни их жалобных сигналов. Ничто для него не существовало.

А затем в его мире появился настойчивый звон, от которого темнота, казалось бы, покрылась рябью. Эквилибрум с трудом перевел взгляд с пустоты на запечатанный вход. Тот испарился, позволяя посетителю войти в просторный кабинет.

Прибывший звезда отточенным движением скрестил ладони на ключицах, приветствуя вышестоящего по спектру и званию, а затем так же быстро убрал руки за спину.

Вошедший немного расслабился и озабоченно оглядел кабинет.

— Луц, как давно вы спали? — Получив в ответ лишь неопределенное пожатие плечами, он с большей серьезностью закачал головой. — Альдебаран, не мне вам указывать, что и как делать, но, если ваша душа надломится от нагрузок, это станет проблемой для всех нас, вы так не считаете? — требовательно спросил он.

Альдебаран задержал на подчиненном мрачный взор, от которого не по себе становилось многим, но только не его приближенным. Продолжая хранить молчание, он устало ухмыльнулся.

Подчиненный деловито хлопнул по стене ладонью, и широкое матовое окно стало прозрачным. В кабинет рухнул водопад оранжевого дневного света.

— Вам не следует так долго работать.

Альдебаран принялся рассеянно собирать в кучу инфоры, поступившие к нему совсем недавно. В голове гудело, эквилибрум чувствовал себя непривычно вялым, как и всякий раз, когда отдых откладывался надолго.

— Ты и сам знаешь, Сириус, сейчас тяжелое время, — бавовито произнес Альдебаран. — У меня нет права откладывать дела, а они всё копятяся. К нашему всеобщему разочарованию, нельзя избежать хаоса при смене Верховного. Кто-то должен решать дела префектуры. Нужно переназначить ответственных за поставку омния, третий трансферный поток разрушен после недавнего сражения с дэларами, около пятисот полисов остались без быстрой связи. Сами темные все больше переступают наши границы, а Магистрат Света...

— У вас в распоряжении целый Совет префектуры Кальцеона, — не уступал Сириус, оперев руки в бока. — И не только Совет звезд, но и планетаров, орнега и прочих! Вы не обязаны отвечать за все в одиночку. Как обычно.

Альдебаран взглянул на него: пышные яркие голубые волосы с трудом закрывали полностью сожженное правое ухо — лиловые следы ранения растеклись по виску и щеке. Серебряные глаза строго взирали на руководителя сверху вниз. Но стоило Альдебарану медленно встать и выпрямиться во весь рост, как положение дел резко переменялось и Сириус остался далеко внизу.

— Ты ведь пришел не только из заботы обо мне, не так ли? — утомленно осведомился Альдебаран, подходя к шкафу со стеклянными накопителями.

— В Люксорусе объявлено первичное назначение нового Верховного. Бетельгейзе Хранящая лично обозначила сроки. Вы же не забыли о созыве префектов, верно?

Бетельгейзе. Альдебаран еще раз устало вздохнул, вспоминая образ Первого паладина Света. Как давно он с ней говорил?..

— Еще много времени. К чему же сейчас разговоры об этом?

— Луц... Оно через два зома*.

Альдебаран едва не выронил накопитель из рук и изумленно уставился на подчиненного.

— Быть не может.

— Мы же неоднократно напоминали вам об этом!

Эквилибрум озадаченно уставился на все еще мигающую панель в столе. Ему пришло уже множество сообщений. Он физически не успевал проверить все.

Местное оранжевое светило Еретам скользило по черному звездному небосводу к горизонту. Два зома... едва замерцает закат, собрание уже начнется.

— Вам лучше поспешить, — заявил Сириус, подавая Альдебарану серебряную накидку. — Будет огромным неуважением опоздать на такое событие.

---

* 1 зом — 100 минут.